

Колумбийский университет

Шесть лет назад

- С дороги, пузан!

Мэтт стоит в снегу. Облачка пара вырываются изо рта. Автомобиль Брэда Матесона, в котором помимо самого Брэда сидят несколько его дружков, вот-вот наедет на Фогги Нельсона. Фогги – прозвище Франклина Нельсона, соседа Мэтта по комнате. Он тоже учится на юриста. Отличный парень.

Таких нынче мало.

Брэд успевает затормозить, но колеса проскальзывают на ледяной корке, и машина по инерции проезжает еще немного и ударяет Фогги сзади. Тот спотыкается и едва не падает.

- Беги, поросенок! – орет Брэд.

Фогги стыдливо оглядывается по сторонам, видит снисходительные взгляды прохожих и начинает бежать вразвалочку, настолько быстро, насколько способно его слегка полноватое тело. Брэд с приятелями заливаются смехом и снова поддают газу.

Ребята вроде Брэда хорошо знакомы Мэтту. Точно такие же издевались над ним в школе. Парни с толстым кошельком и почти полным отсутствием мозгов, склонные к спонтанным проявлениям жестокости, которые, впрочем, обычно проходят с возрастом. Но не у всех. По мнению Мэтта, те, у кого и с возрастом не проходит тяга к издевательствам, становятся либо преступниками, либо полицейскими.

Между первыми и вторыми – тонкая грань.

Фогги недостаточно быстр, и Брэд снова его нагоняет. Бампер задевает Фогги за ногу, на этот раз сильнее, и тот, поскользнувшись на льду, падает лицом вниз. Вокруг разлетаются учебники.

Брэд давит их колесами. Мэтт подходит поближе. Машина едет навстречу, и в его голове формируется образ. Мэтт видит за рулем хохочущего Брэда, которого дружки похлопывают по плечу.

Мэтт переходит дорогу и помогает Фогги подняться.

- Спасибо, – говорит тот, печально глядя на грязные растерзанные книги.

- Чего они к тебе пристали? – спрашивает Мэтт.

Фогги лишь пожимает плечами.

- Не нравлюсь я этому уроду, вот и все.

Мэтт нагибается, чтобы поднять учебники, не забывая предварительно пошарить тростью. Нельзя выходить из образа.

- Придется терпеть, – продолжает Фогги. – Недолго осталось, всего каких-то три года.

Мэтт как никто знает, во что могут превратить человека три года издевательств. Поэтому вечером он надевает черные джинсы и куртку, берет специально купленную лыжную маску и выбирается по пожарной лестнице на крышу университета. Крыша поддерживается в чистоте и хорошо освещена. Кругом прожекторы, вдоль дорожек – фонари. С точки зрения безопасности все просто замечательно, а вот для Мэтта – хуже не придумаешь.

Что ж, надо поддерживать себя в форме. С той ночи в Адской Кухне Мэтт редко выходил на крыши. Он залег на дно в ожидании возвращения Стика. Скучал по его ругани и готов был вынести любое наказание. Но Стик, очевидно, понял, что произошло, и никак не давал о себе знать. Тянулись молчаливые дни, и Мэтт понимал, что наставник разочаровался в нем. С этим он ничего не мог поделать. Не проходило и дня, чтобы он не вспомнил ту девушку, ее крик ужаса и тот мерзкий, тошнотворный шлепок, когда она ударилась о землю.

Даже сейчас ему приходится отгонять эти воспоминания.

Мэтт натягивает маску, набирает в грудь побольше морозного зимнего воздуха и пересекает крышу.

Он находит Брэда лишь спустя пару часов. Этот идиот появляется, когда Мэтт уже практически отморозил себе задницу. Брэд не один, с ним девушка. Кажется, Салли. Мэтт следит за ними с крыши. Салли пытается сбежать от Брэда и вернуться в женское общежитие.

– Брэд, прекрати, я же сказала «нет».

– Да ладно тебе, Салли! Пошли ко мне, у меня пиво есть, таблеточки...

– Ты спятил? Если тебя застукают, то сдадут в полицию.

– Что с того? Шеф полиции – приятель моего папы.

– Хорошо тебе. Вот только у других таких связей нет.

Брэд начинает лебезить.

– Детка, я не дам тебе в обиду. Если будешь гулять со мной, тебе ничто не будет угрожать.

Салли останавливается. Снег под ее ногами хрустит, когда она поворачивается к Брэду.

– Брэд, знаешь что? Я лучше в тюрьме год отсижу, чем стану «гулять» с тобой. Ясно? Даже не мечтай, что я буду с тобой встречаться. Ни. За. Что.

Мэтт ухмыляется. Снова раздается хруст снега, за которым следует хлопок.

– Ты... ты смеешь меня бить?! – Брэд изумлен.

Пренебрежение в голосе Салли сменяется гневом.

– Брэд, только попробуй еще раз поцеловать меня, и я сама вызову полицию. Надо будет – из-под земли тебя достану. Понял?

Она разворачивается и торопливо уходит.

– Тупая корова! – кричит Брэд вслед.

«Ладно, – думает Мэтт, – пора с этим завязывать».

Он спрыгивает на землю позади Брэда, подсекает его ногой, валит лицом в сугроб и прижимает сверху коленом.

– Слушай план своих дальнейших действий, – шепчет Мэтт. – Ты изменишься. Научишься быть вежливым с людьми. Поймешь, что они не обязаны тебя развлекать. Усек?

– Д-да ты вообще знаешь, с кем связался? Я расскажу...

– Неправильный ответ.

Мэтт вдавливая колено Брэду в бок, и тот визжит от боли. Мэтт прижимает его еще сильнее.

– Вот еще что. Ты перестанешь издеваться над Фогги Нельсоном.

– Это к-кто такой?

Мэтт с трудом подавляет желание начать колотить Брэда по торчащей макушке.

– Парень, которого ты доставал с начала семестра и чуть не задавил сегодня утром.

– А, этот? А тебе какое...

Новый тычок коленом в область почки.

– Ладно, ладно! Боже, я оставлю его в покое!

– Даже не знаю, – говорит Мэтт. – Брэд, что-то подсказывает мне, что ты обманываешь. Давай сделаем так: я преподам тебе урок, который ты запомнишь на всю жизнь и будешь вспоминать каждый раз, когда захочешь над кем-нибудь поиздеваться.

Мэтт снимает лыжную маску и натягивает на голову Брэда так, чтобы тот ничего не видел.

Затем он переходит к выполнению своего плана.

Утром во время пробежки Брэда находит пара девушек. Не проходит и десяти минут, как добрая половина студентов собирается у фонтана и хохочет над привязанным к нему голым парнем. Он провисел там пять часов, и его приходится отправить в больницу с легким обморожением.

Мэтта здоровье Брэда не беспокоит. Все это время он приглядывал за ним. Поспать не удалось, но это того стоило. Теперь-то Брэд сто раз вспомнит эту ночь, прежде чем к кому-нибудь пристать. Жаль, Стик этого не видел. Мэтт думает, что старик оценил бы его поступок.

– Чудеса какие-то, – говорит Фогги, лежа на кровати и сунув руки под голову. – Стою я, значит, у автомата с газировкой – того, что у медиатеки. Его постоянно заклинивает, и приходится совать руку внутрь и тянуть...

– Ближе к делу, – говорит развалившийся на своей кровати Мэтт.

– А? Да, извини. Короче говоря, стою я, засунув руку в чертов агрегат, а ко мне идет Брэд Матесон собственной персоной! Ну, думаю, попался. Он же устроит целый спектакль из моего

неловкого положения! Но, представь себе, все происходит не так.

– И как же?

– Он говорит: «Нельсон, давай помогу». Наклоняет автомат, чтобы я мог вытащить руку. А я понять не могу, что происходит. В чем подвох? А подвоха-то и нет. Он спрашивает: «Все нормально?», а я отвечаю: «Да, спасибо». Тогда он хлопает меня по плечу, говорит: «Не за что, Нельсон, увидимся», и уходит. Ты можешь в это поверить?

– Люди меняются.

– Да уж. Посмотрим, что дальше будет. Кстати, ты сегодня с Кэти разговаривал?

Мэтт морщит лоб. Кэти. Да, она подходила к нему после лекции профессора Линча по этике.

– Да, она просила меня объяснить кое-что. Хотела, чтобы мы вместе поработали над ее этикой. Я решил, что это у нее шутки такие.

Фогги заливается смехом.

– Серьезно? И как, поможешь ей?

– Неа.

– Почему?

Потому что опасно давать волю эмоциям. Из-за этого гибнут люди.

Нужно держать все под контролем. Чувства, желания. Только так можно оградить окружающих от опасности. Разобравшись с Брэдом, он уже нарушил данное себе слово и не собирается делать это второй раз.

– Времени нет, – говорит Мэтт. – Самому учиться надо.

Повисает пауза.

– Ты ведь понимаешь, что ей вовсе не помощь в учебе нужна?

– Фогги, пора спать.

– Сейчас. Только на всякий случай уточню – ты понимаешь, чего ей от тебя надо?

– Понимаю, понимаю.

– Уверен? Мне почему-то кажется, что не понимаешь.

Пружины матраса скрипят, когда Фогги переворачивается на бок, чтобы взглянуть на Мэтта.

– Короче, я думаю, что если ей и нужна помощь в изучении чего-либо, то только биологии.

Мэтт не реагирует.

– Я бы даже сказал, анатомии, – добавляет Фогги.

Мэтт швыряет в него подушку.

Дождавшись, пока Фогги уснет, Мэтт вылезает из постели и надевает черный спортивный костюм и кроссовки. Если вдруг кто-то остановит его, всегда можно сказать, что он не мог заснуть и решил пробежаться.

К тому же так оно и есть.

Более или менее.

Выбора у него все равно нет. Когда твой сосед по комнате – Фогги Нельсон, нормально спать невозможно. Фогги храпит как никто – от его грудного, звучного, рычащего храпа даже соседи за стенкой просыпаются.

Мэтту все равно. Он не мог бы уснуть, даже если бы спал в одиночестве. Как уснешь, когда тебя зовет ветер?

Ветер говорит с ним, нашептывает дневные новости. Суровый, горький, пробирающий до костей, он несется с океана, принося вести с грузовых судов и рыболовных траулеров. Он шатает спутниковые антенны и провода, оставляя за собой снежные вихри. Он ревет среди каменных джунглей, повергая в дрожь голые зимние ветви деревьев. Старые пожухлые листья и шелуха шуршат и вьются в воздухе, словно нездешние волшебные существа – эльфы.

Мэтт идет за ветром, перепрыгивая с крыши на крышу и наблюдая за происходящим внизу.

Булочник угощает свежим хлебом прибывшегося к его порогу бездомного.

Из такси и других машин звучит музыка на сотне разных языков, вместе складывающихся в язык города.

Стаи собак рыщут в поисках еды, лают и грызутся друг с другом за территорию и превосходство. Собачья схватка заканчивается гибелью одного из участников, и победитель воет на луну, чувствуя, должно быть, зов древней крови, отголосок тех времен, когда волки свободно странствовали по степи.

И над всем этим – Мэтт Мёрдок, открытый ветру и торжествующий.

Он перепрыгивает пропасти между зданиями. Приземляется, перекачивается, вновь вскакивает и бежит. Его шаги легки и почти беззвучны. Он огибает дымовую трубу, отталкивается, взмывает в воздух и летит, парит, раскинув в стороны руки, возносясь над городской суетой.

Все его движения грациозны.

Он снова приземляется и продолжает бежать, не замедляя шаг. Следующее здание выше. Он цепляется за пожарную лестницу. Холодный металл обжигает ладонь, мышцы рук напрягаются, когда Мэтт подтягивается и взбирается на карниз.

Новый разгон, новый прыжок с крыши на крышу. С легкостью и спокойствием канатоходца Мэтт балансирует на проводах.

И тут...

...он чувствует сбоку движение. Мэтт замирает, насторожившись, и тут же прячется в тень.

Рядом есть кто-то еще. Мэтт прощупывает окружающее пространство и улавливает запах.

Человеческий, приятный. Жасмин, цитрус – свежий, летний аромат духов. Женщина. Мэтт медленно поворачивает голову, пытаясь определить ее местоположение.

Вот она. Он чувствует ее быстрый от возбуждения пульс. Удары то появляются, то исчезают, проносясь мимо него со скоростью ночного экспресса.

Вдох, выдох. Улыбка.

Мэтт выходит на открытое пространство, подставив лицо ветру.

Снова звук. Легкие шаги по крыше.

Ему бросают вызов.

Мэтт пускается в погоню за вторгшейся в его мир незваной гостьей. Она быстра, успевает даже оглядываться и улыбаться ему. Она буквально летит над крышами, удаляясь от Мэтта.

Он не может в это поверить. Это невозможно. Это его мир.

Его территория. Никто не способен знать ее лучше него, но тем не менее нашелся человек, способный оставить его далеко позади, будто их гонка на самом деле – утренняя пробежка в парке.

Тут фигура женщины исчезает за краем крыши. Сердце Мэтта замирает. Она просчиталась, упала и разбилась насмерть.

Он тормозит у края и проверяет, что внизу. Ничего. Ее будто след простыл. Мэтт даже не может больше уловить ее запах – мешает мусорный бак внизу. Мэтт спрыгивает вниз, поскользывается на чем-то липком и шлепается на задницу.

Раздается смех.

Он резко оборачивается.

Кто-то мягко ступает по асфальту. Мэтт поворачивает голову и видит перед собой кота. Выгнув спину, тот трется о его ногу. Мэтт машинально гладит кота, по-прежнему не понимая, куда пропала девушка.

Смех раздается снова. Мэтт бежит к выходу из переулка и останавливается.

Пахнет жасмином. Вон она.

Направляется в парк.

Мэтт цепляется за ее запах, как ищейка. К аромату духов теперь примешался легкий, отнюдь не неприятный запах пота. Теперь-то ей не уйти.

Мэтт срывает с головы маску, чтобы не мешала, и продолжает погоню.

Девушка играет с ним, не испытывая ни капли сострадания к слепому. Она пересекает оживленную улицу в надежде, что он бросит погоню. Мэтт не бросает и слишком поздно осознает ошибку. Его едва не сбивает машина. Оглушительно гудит клаксон, визжат покрышки, мгновенно возвращая Мэтта в тот судьбоносный день, с которого началась его

новая жизнь.

Он отвлекся, как последний болван. Мэтт прыгает, думая, что с легкостью перескочит через крышу автомобиля, но цепляется ногой за фонарь с шашечками и валится в сугроб. Дыхание перехватывает. Поморщившись, Мэтт перекачивается на бок. Снег больно щиплет лицо. Откуда-то снова доносится смех.

Он вскакивает на ноги и продолжает преследование.

Внезапно в ночи раздается крик. Мэтт сворачивает в направлении, откуда донесся звук. Перед ним бетонная дорожка, ведущая в парк. Крик повторяется, на этот раз переходя в тихий игривый смех.

Мэтт спотыкается о какой-то предмет. Он нагибается за ним и понимает, что это кроссовка.

Нахмурившись, Мэтт оставляет ее лежать на месте и шагает дальше. В десяти шагах он находит вторую кроссовку, чуть поодаль – шарф. Потом...

... штаны. И футболку.

А еще дальше, на дереве – трусики.

Что здесь, черт побери, происходит?

Он останавливается под деревом и тянется к ветке.

– Ни с места, извращенец!

Мэтт делает как велено.

– Повернись! Медленно.

Мэтт повинуется. Перед ним двое полицейских: один пожилой, опытный, другой молодой, нервно сжимающий рукоять пистолета. Если понадобится, Мэтт легко их уложит. В конце концов, убежит. Но в таком случае ему придется нарушить правила, а он прекрасно помнит, как сделал это в прошлый раз. В результате погибла девушка.

Больше он подобного не допустит.

– Стив, найди девушку, – говорит старый коп, – а я присмотрю за этим уродом.

Молодой коп поспешно удаляется, а старый лениво подходит к Мэтту.

– Парень, только не делай глупостей.

Мэтт протягивает ему сложенные руки.

– Даже не думаю, сэр. Возникло какое-то недоразумение.

– Ну-ну, обычная песня. Удостоверение личности есть?

Мэтт вздыхает и достает из кармана кошелек. Полицейский внимательно изучает документы. Мэтт готов поклясться, что слышит, как брови копа лезут вверх в недоумении.

- Эээ... тут сказано, что ты слепой.
- Так и есть, офицер.
- Что, совсем слепой?
- К сожалению, да. С детства.
- Так какого черта ты тут забыл в такой час?
- Не мог уснуть, решил прогуляться. Я учусь на юриста, у меня экзамены на носу.
- Слепой юрист? Ну ты, парень, даешь.

Полицейский возвращает ему кошелек. Возвращается молодой коп.

- Ничего не нашел, - отчитывается он. - Ни девушки, ни трупа, ни следов.
- Идем, Стив, нечего тут искать. - Старый коп берет молодого за руку и уводит к машине.
- Что, даже задерживать его не будем? - удивляется Стив.
- За что нам задерживать слепого? За нахождение в общественном месте?
- А он слепой?!

Мэтт оставляет спорящих копов и неторопливо идет к выходу из парка. Он чувствует, что за ним наблюдают и получают от его злоключений несказанное удовольствие.

На следующий день наступает настоящая, суровая зима. Всю территорию университета заваливает крупными, тяжелыми снежными хлопьями. Сугробы высятся не только на тротуарах, но и на подоконниках.

- Не могу понять, - бормочет Фогги сквозь шарф.
 - Что именно? - дышит на ладони Мэтт.
- Они вместе идут к университетским воротам.
- Я зубрю с утра до ночи, а ты едва заглядываешь в учебники.
 - И?
 - Я сдаю экзамены с трудом, а ты - будто это тебе раз плюнуть.
 - Может, тебе во время учебы телевизор выключать?
 - Эй, ну это уже чересчур!

Фогги делает шаг на улицу, но Мэтт хватает его за руку и тянет обратно.

- В чем дело?
- Постой.

Мгновение спустя из-за поворота выскакивает с заносом спортивный автомобиль. Водитель успевает выровнять машину и тормозит как раз на том месте, где должен был оказаться Фогги.

– Эй! – кричит тот. – Мозги у тебя есть? Ты меня чуть не задавила!

Мэтт принюхивается. Пахнет цитрусом и жасмином.

– Чего лыбишься? – продолжает ругаться Фогги. – Вот чокнутая баба! Еще и с открытым верхом в такую погоду...

Мэтт запрыгивает на заднее сиденье машины, и тут же перебирается на место рядом с водителем.

– Мэтт? – опешив, только и успевает спросить Фогги.

Мэтт слышит, как включается передача, и в ту же секунду автомобиль срывается с места, оставляя за собой шлейф из снежной и ледяной крошки. Машина вливается в транспортный поток, то и дело подрезая соседние, но не сбавляет скорости, несмотря на гул клаксонов.

Ухмыляясь, Мэтт откидывается в кресле. Ветер треплет его волосы. Они едут со скоростью 80 километров в час. По снегу. В час пик. Он чувствует, что девушка постоянно косится на него, пытаюсь понять, боится ли он. Каждый раз, когда она это делает, Мэтт улавливает новые черты ее внешности. Лицо симпатичное, но волевое. Губы полные, то и дело растягивающиеся в улыбке. Скорость возрастает до 95. Она подрезает тяжелую фуру. Водитель грузовика бьет по тормозам, огромные колеса проскальзывают, прицеп заносит.

Аварии удается избежать. Все успевают вовремя затормозить. Девушка продолжает поглядывать на Мэтта – теперь куда чаще, чем на дорогу. Она кладет голову на руль, словно собирается вздремнуть. 110 километров в час. Вокруг ледяные брызги.

Скорость 130. Девушка выпрямляется и выглядит... разочарованной? Она ожидала от Мэтта хоть какой-то реакции, но ее не последовало. Мэтт снова ухмыляется. Девушка вдавливая педаль газа в пол. 150 километров в час. На месте Мэтта у любого бы уже началась истерика, но только не у него. Он чувствует прилив адреналина, чувствует, как возбужденно колотится сердце. Он давно не испытывал таких ярких эмоций.

Через час они добираются до гор. Воздух здесь разреженный, и легкие кажутся пустыми. Они так и не сказали друг другу ни слова.

Щеки Мэтта покраснелись, их покалывает от мороза. Носа он не чувствует. Что ж, по крайней мере, одет он по погоде. А вот на девушке, если восприятие его не обманывает, лишь черное платье. И все: ни колготок, ни обуви. Только платье.

Машина ползет все выше и выше. Мэтт решает, что пора нарушить тишину.

– Гмм... мисс?

Девушка с торжествующей улыбкой поворачивается к нему, думая, что сейчас он начнет расспрашивать, кто она такая и зачем его преследует.

– Что?

– Вы не простудитесь? Мне кажется, вы слишком легко одеты. Может, хоть курточку накинете?

Такого она не ожидала.

Машина дергается и уходит в занос. Пробив ограждение, они пролетают сквозь сугроб и взмывают в воздух. Приземлившись, машина продолжает нестись по склону со скоростью под сотню километров в час, то и дело задевая мелкие кустики. Девушке невероятным образом удается избежать больших деревьев. Несмотря на сумасшедший пульс, Мэтт держит себя в руках. Пока что все под контролем, адреналин не зашкаливает. Со стороны водителя он тоже не ощущает никакой паники.

Она сделала это намеренно.

Машина разворачивается на 360 градусов. Девушка хохочет, подняв голову к серому зимнему небу. Они будто совершают безумный слаломный спуск среди голых деревьев.

Мэтт чувствует приближение обрыва. Там, внизу, гуляет холодный ветер.

Они непременно упадут, но Мэтту все равно. Час, проведенный с этой девушкой, разрушил обыденность той повседневной жизни, которую он вел последние несколько лет. Девушка дергает ручной тормоз, и Мэтт встречает это действие смехом. Машину снова начинает медленно разворачивать.

Край все ближе. Остается каких-то пятнадцать метров, а машина даже не начала замедляться.

Десять метров. Они упадут.

Пять...

На пути встает плотный сугроб. Мэтта швыряет на дверцу, в плечо больно впивается ремень безопасности. Автомобиль становится на бок, балансирует несколько секунд и гулко опускается обратно на все четыре колеса.

Мэтт облегченно выдыхает. Напряжение отпускает его.

Спустя несколько мгновений тишины девушка спрашивает:

– Тебе понравилось?

Она выбирается из машины и идет к обрыву. Ветер настолько силен, что может сбить обычного человека с ног, но она стоит и не шелохнется. Мэтт чувствует в ней силу. Он ожидает ее дальнейших действий. Ему по-прежнему непонятны ее мотивы, желания, мысли. Эта загадочность зачаровывает.

– Подойди ближе, Мэтт Мёрдок.

Что ж, ей известно его имя. Интересно.

– Один шаг до края.

– Края чего? – Мэтт вылезает из машины и неторопливо подходит к девушке.

Он будто подкрадывается к лесному оленю – одно неверное движение, и спугнешь.

Он встает рядом, но девушка не оборачивается. Ее взгляд устремлен вниз.

- Вот наше место, - тихо, задумчиво произносит она.

- В сугробе?

- На грани, - она косится на Мэтта, изучая его лицо, словно пытаясь запечатлеть его в памяти.

- Другие, как послушные овечки, счастливы в своих хлевах. Они ничего не чувствуют, не мечтают. Мы не такие, как они.

- Правда?

- Да. Я сразу поняла, когда увидела тебя на крыше. - Девушка снова отворачивается и смотрит на бегущий внизу бурный поток. - Мэтт, мы с тобой похожи как две капли воды.

Она вновь смотрит на него. Мэтт чувствует, будто она чего-то ждет. Что-то ищет. Хочет что-то понять.

- Мы не можем жить как обычные люди. Мы не можем молчать, не можем смиренно ждать конца. Понимаешь, о чем я?

Во рту Мэтта пересыхает. Он понимает .

- Нас с тобой притягивает к краю, - девушка гладит его по щеке. - И за край.

Она шагает в объятия ветра.

Мэтт тянется за ней, но поздно. Как и в прошлый раз. Она падает.

- Нет!

Она падает.

Мэтт уже готов услышать знакомый тошнотворный звук удара тела о землю, но вместо этого слышит громкий треск, будто молния ударила в дерево.

Лед. Она ударилась об лед.

А подо льдом - вода.

Мэтт не мешкает ни секунды. Он прыгает за ней.

Ветер терзает его лицо, очки улетают. Он переворачивается в воздухе и в последний момент успевает сгруппироваться и приземлиться на ноги. Ощущения такие, будто сталкиваешься со стеной. Грудь больно ударяется о колени. Раздается громкий хруст, и Мэтт сначала думает, что сломал ноги, но это лишь лед.

Он проваливается в ледяную воду. Все тело мгновенно сжимается, воздух со свистом выходит из легких. У Мэтта перехватывает дух, в глотку попадает вода. Он беспорядочно молотит руками, пробивая ледяную корку, чтобы вынырнуть. Наконец, его голова оказывается на поверхности; он набирает в грудь побольше воздуха и снова ныряет, ищет.

Тщетно. В воде он не может учуять ее. Все, что он чувствует - это готовую поглотить его первобытную тьму и пустоту над собой, под собой, вокруг. Мэтт барахтается, но девушки нигде нет. Кругом пусто. Должно быть, поток уже унес ее вниз по течению.

Мэтт снова выныривает на поверхность, чтобы набрать воздуха. Он уже готов нырнуть обратно, но его останавливает какой-то звук.

Звук заводящегося двигателя.

Мэтт замирает и лишь слегка подгребает руками, чтобы его не смыло. Он ждет. Прислушивается.

Вот, опять. Рев мотора и звенящий на ветру смех.

<http://tl.rulate.ru/book/25489/532062>